

**ВЕРОНИКА
ДОБРОВОЛЬСКАЯ**

**Семейные тайны. Книга 19.
История тёти Клавы.**

18+

Вероника Добровольская

Семейные тайны. 19 книга.

История тёти Клавы

«Автор»

2026

Добровольская В.

Семейные тайны. 19 книга. История тёти Клавы /
В. Добровольская — «Автор», 2026

2015 год. Дворец Топкапы в Турции давно стал местом паломничества для поклонников "Великолепного века". Однако тётя Клава оказалась здесь не ради туристических маршрутов. У неё своя цель: какая история привела её в эти стены и какие секреты прошлого оживут под сводами султанской резиденции?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Семейные тайны. 19 книга. История тёти Клавы

Глава

Семейные тайны. 19 книга. История тёти Клавы

7 декабря 2015 года.

Турция, Стамбул. Дворец Топкапы

Экскурсовод Лейла Кая заметила эту женщину уже давно. Всю неделю незнакомка приходила во дворец, подолгу стояла в зале приёмов и молча, смотрела на султанский трон.

Она была маленькой и пожилой. В её почти седых волосах ещё виднелись редкие чёрные пряди. Узкие, слегка раскосые глаза смотрели задумчиво и печально. В облике женщины было нечто странное - неуловимая деталь, заставлявшая Лейлу снова и снова обращать на неё внимание.

Поначалу экскурсовод решила, что незнакомка - одна из поклонниц сериала «Великолепный век». После его выхода и окончания туристы часто расспрашивали о султанах Сулеймане, Хюррем и дворцовых тайнах. Некоторые подолгу стояли перед старинными тронами, словно надеялись увидеть перед собой ожившую сцену из прошлого. Но вскоре Лейла поняла: дело было не в сериале.

Седая женщина почти не слушала экскурсии, не фотографировала убранство и не рассматривала выставленные драгоценности. Каждый день она приходила только сюда. Останавливалась на одном и том же месте, складывала руки перед собой и не отрывала глаз от трона.

Иногда её губы шевелились, будто она с кем-то разговаривала.

Лейла однажды прошла совсем рядом и различила несколько русских слов. Значит, загадочная гостья приехала из России.

В тот день женщина простояла перед троном почти час. Наконец к ней подошёл высокий статный мужчина с седыми волосами и аккуратными усами. Несмотря на возраст, он держался прямо и уверенно. На нём было длинное тёмное пальто, а в руке он сжимал трость с серебряным набалдашником.

- Апа Клава пойдёмте, - негромко сказал он по-русски. - Сколько можно здесь стоять?

Но женщина не ответила. Мужчина проследил за её взглядом и тяжело вздохнул. - Ну давайте же узнаем, - продолжил он. - Вы ради этого проделали такой путь.

Апа Клава медленно покачала головой. - Не надо, Архат.

- Почему?

- Боюсь. - Тяжело вздохнула она

- Чего именно? - Изумился Архат вдруг когда -то решительной своей любимой апы Клавы Она впервые отвела взгляд от трона и посмотрела на него. - Что мне скажут правду.

Лейла находилась всего в нескольких шагах и невольно услышала их разговор. Архат заметил её и решительно направился к ней. - Простите, вы говорите по-русски?

- Да, - ответила Лейла. - Я провожу экскурсии для русскоязычных туристов.

Архат просиял и обернулся к пожилой женщине: - Вот видите, апа Клава! Нам повезло. Но та внезапно побледнела. Её пальцы судорожно стиснули ремешок старой сумочки.

- Вы можете рассказать нам об этом троне? - Спросил Архат.

- Разумеется. Что именно вас интересует?

Он замялся, словно не знал, как сформулировать вопрос. - На нём когда-нибудь сидели женщины?

Лейла удивилась: - На султанском троне?

- Да. Или, возможно, рядом с ним.

Апа Клава сделала шаг вперёд. - Не женщины, - тихо произнесла она. - Одна женщина.

Её голос дрожал, но взгляд оставался твёрдым. - Её звали Айсылу, она была дочь султана и когда её похитили, ей было лет 15.

Лейла нахмурилась. - О каком времени вы говорите?

Апа Клава открыла сумочку и вынула небольшой свёрток, перевязанный выцветшей красной лентой. Развернув ткань, она положила на ладонь старинный медальон и фигурку оленя или лани.

Потемневшее серебро медальона покрывали едва различимые узоры. В центре был выгравирован знак - полумесяц, заключённый в круг.

Увидев его, Лейла перестала улыбаться.

Такой же знак она заметила утром на оборотной стороне одной из дворцовых печатей, недавно обнаруженных реставраторами в закрытом хранилище. Рядом с печатью лежали несколько похожих фигурок оленей. Согласно архивной описи, их изготовили для дочери одной из обитательниц дворца.

- Откуда это у вас? - Спросила Лейла, указав на медальон и игрушку.

Апа Клава снова посмотрела на трон. - Олень передается нам из поколения в поколения - ответила она. - А прошлой зимой я побывала на родине моей матери. В доме, где она когда-то жила, теперь находится музей. Там нашли этот медальон. Внутри него было спрятано письмо.

- Письмо сохранилось? - Едва слышно спросила Лейла.

Апа Клава крепче сжала сумочку. - Да. Оно у меня.

Лейла почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Посетители проходили мимо, экскурсоводы перекликались у входа, и этот многоголосый шум мешал сосредоточиться.

- Давайте пройдем в служебную комнату, - предложила она. - Здесь слишком людно для такого разговора. Там вы спокойно всё расскажете.

Лейла проводила гостей в небольшую комнату и помогла старушке сесть. Затем заварила чай и поставила на стол сладости. - Располагайтесь. Я скоро вернусь.

Выйдя в коридор, она поспешила к служебному телефону. От волнения Лейла не сразу смогла набрать нужный номер. Наконец в трубке раздался знакомый голос. - Профессор Демир? - торопливо произнесла она. - Вы не поверите, но появилась новая зацепка, связанная с принцессой Айсылу. Здесь находится женщина, у которой хранятся принадлежавшие принцессе медальон и игрушечный олень. Думаю, вам следует увидеть их как можно скорее.

- Это великолепно, - после короткой паузы сказал профессор Демир. - Особенно медальон. Я буду скоро.

- Постараюсь их задержать.

- Лейла, это важно. Если описание совпадает с рисунком из архива, мы, наконец, узнаем, что случилось с Айсылу.

Связь оборвалась.

Лейла ещё несколько секунд держала трубку возле уха. Сердце колотилось так сильно, словно находка уже раскрыла свою тайну. Но пока у неё были лишь слова незнакомой женщины и два старинных предмета, происхождение которых ещё предстояло установить.

Вернувшись в комнату, она увидела, что старушка сидит за столом, а её спутник стоит у окна.

- Простите, вы не могли бы подождать ещё двадцать минут? Скоро приедет профессор Демир. Он много лет занимается историей принцессы Айсылу.

- А что вам о ней известно? - Спросила старушка.

- Совсем немного. Мы знаем лишь, что она бесследно исчезла во время переезда из одного дворца в другой. Это кажется особенно странным, ведь Айсылу была любимой дочерью султана, хотя её мать и не являлась его официальной женой. После исчезновения принцессы начались поиски, но никаких следов так и не обнаружили. Будто девочка растворилась по дороге.

Старушка внимательно посмотрела на Лейлу.- Она не исчезла, - тихо сказала женщина.
- Её похитили.

- Кто?

Старушка хотела ответить, но в этот момент за дверью послышались быстрые шаги. Через несколько секунд в комнату вошёл профессор Демир. Это был высокий седой мужчина в очках и длинном сером пальто. Он поздоровался и сразу посмотрел на предметы, лежавшие на столе.

Сначала профессор взял в руки медальон. Несколько минут молча, рассматривал его через увеличительное стекло, затем осторожно положил на стол.- Профессор Демир. - Представился он.

-Апа Клава, - ответила пожилая женщина. - А это мой племянник Архат.

Лейла стала переводчиком.

Профессор кивнул и вновь посмотрел на находки. - Да, эти вещи действительно принадлежали принцессе. Знак на обратной стороне медальона принадлежит роду Айсылу. Я видел такой же знак на письмах, хранящихся в дворцовом архиве. Однако медальон уже много лет считался утраченным. Как он оказался у вас?

Апа Клава достала пожелтевший конверт и осторожно развернула хранившийся в нём лист. -Вместе с медальоном было это письмо. Его написал мой прадед своей дочери Дарье - моей бабушке. Письмо датировано 1889 годом.

Она прочитала «14 октября 1889 года

Здравствуй, моя милая и любимая доченька Дарьюшка!

Не знаю, доведётся ли нам ещё увидеться. Силы покидают меня, поэтому я решил, наконец, рассказать тебе то, о чём молчал всю жизнь. В нашей семье хранится много тайн. Некоторые из них принесли нам немало горя, но ты должна знать правду.

Когда меня не станет, открой старый деревянный сундук, стоящий на чердаке. Возле правой балки есть тайное место, там ты и найдешь его. На его дне лежат тетради в кожаном переплёте. Не удивляйся тому, что прочтёшь в ней. Эти тетради передавались в нашей семье из поколения в поколение. Каждый хранитель дописывал в неё то, что видел сам или слышал от своего отца.

Вместе с тетрадью ты найдёшь медальон. Никому не отдавай их, пока не узнаешь всю историю. Эти вещи принадлежали девушке, которую украл наш предок , и у них появилась дочь. Именно с них началась тайна нашего рода.

Первая запись в тетради относится к 1330 году.

Береги себя, доченька. Прости меня за долгое молчание.

Твой отец».

Апа Клава перевернула лист. На обороте рукой её прадеда была сделана короткая приписка:

«Тверская земля. Деревня Липово. 1330 года». А олень подсказал нам подсказку.- Она взяла игрушку и повернула рог , что –то щелкнуло и живот игрушки раскрылся. - В нём была ткань с именем Айсылу и она говорит что её похитил Юсуф, что он был её охранником, что она проклинает его, что дети его будут жить в несчастье и горе. Мы нашли дневники в старом доме в Петербурге , прапрадед содержал доходный дом и этот дом пережил всё.

- А где эти дневники и ткань?

Апа Клава улыбнулась.- Мы решили не брать их. Ткань мы сфотографировали. – Она достала фото и положила на стол

Профессор Дамир с благоговением взял фотографию. Несколько секунд он, молча, рассматривал выцветшие строки, затем достал из кармана очки и поднёс снимок ближе к лампе.

- Это не просто послание, - наконец произнёс он. - Здесь два разных почерка.

- Как два? - удивилась Лейла.

- Имя Айсылу и рассказ о похищении написаны одной рукой. А проклятие - другой. Посмотрите: буквы крупнее, нажим сильнее, некоторые знаки начертаны иначе.

Апа Клава нахмурилась.- Значит, прокляла его не Айсылу?

- Похоже, что нет. Возможно, кто-то намеренно дописал эти слова позднее, чтобы потомки Юсуфа боялись искать правду.

Лейла положил деревянного оленя на стол. - Но зачем прятать ткань внутри игрушки?

Профессор перевернул фотографию и внимательно посмотрел на вышитую рамку вокруг надписи.

- Потому что здесь скрыто ещё одно сообщение. Видите узор по краям? Он кажется обычным орнаментом, но стежки собраны в группы. Три, один, четыре, два...

Лейла быстро записала числа - Это шифр?

- Или указание на страницы дневника.

- Но дневники остались в Петербурге, - напомнила апа Клава. - В старом доходном доме моего прапрадеда.

- Дом сохранился? - Спросил Дамир.

- Сохранился. Его несколько раз перестраивали, но чердак и подвальные помещения почти не изменились. Именно там мы нашли сундук с бумагами.

- А что если это координаты? - Предположил Ахмар.

Все удивлённо посмотрели на него. - Сейчас- Он открыло телефон и вбил координаты - Это сад Топканы.

Демир почесал затылок, посмотрел на апу Клаву. Ахмар снова взял телефон. - В саду Топкапы есть фонтан с изображением лани.

Профессор Демир побледнел. - Не просто фонтан. Под ним находится старый водосборник, закрытый для посетителей. Во время реставрации там обнаружили замурованный проход, но вскрывать его не стали. А Вы можете рассказать, что было в дневниках? Сад пока подождёт

Профессор Демир сел напротив апы Клавы и приготовился слушать. Ахмар улыбнулся и сел рядом, Лейла села рядом с профессором в нетерпении от последующего рассказа.

- Это случилось на Тверской земле

Тверская земля. Деревня Липово. 1330 год.

Река Волга. Пристанище ушкунников

Тиун приехал на сером коне, в новой шапке, будто не к людям, а на торг. Сам сухой, как прошлогодняя щепка, и голос у него был такой же - треснет, и уже не склеишь. Он даже с коня не слез, только ткнул в парня пальцем и сказал матери: -Собирай парня. На рассвете заберём. За отцовский долг на господском дворе отслужит! - Голос тиуна, сухой и резкий, словно хруст сухостоя, полоснул по воздуху.

Авдотья, рухнула в грязь, цепляясь за подол тиунова кафтана, и заголосила так, что у соседей собаки забрежали, а потом сразу прижали хвосты.- За что? Куда вы его? Не отдам я его! — кричала она, будто могла перекрыть и двор, и господскую волю, и саму беду.

Тиун посмотрел на неё сверху вниз, как на мокрую тряпку.- Сказано - завтра. Нечего тут выть. - И уехал, оставив после себя след от копыт и тяжелый запах конского пота.

Савелий опустил топор и почувствовал, как дрожат руки.

- Братик тебя завтра отдадут!- Потянула его за рукав сопливая сестрёлка.

-Отдадут, не отдадут, быть не там где надо!- Неожиданно Прошка появился перед ним со своей дурковатой улыбкой.

-Отец, а ты что молчишь!- обернулась к старику который только что пришёл с поля , он держал косу так , словно кого –то хотел зарубить, но потом силы ушли и коса сама выпала у него из рук чуть не зарубив младшего сына который ползал по двору.

Авдотья завывала, её седая голова задергалась, серые глаза налились слезами, но почему – то сказано было так словно ей было всё равно. А так и было уже и было пять детей у неё умерло во младенчестве .- А кровопивец чуть дитя не сгубил.

Старик, чьи плечи, иссушенные многолетней страдой, поникли под тяжестью невидимого ярма, лишь глухо хрипнул, словно в горле у него застрял ком прелой земли. Взгляд его, мутный и выцветший, как старое полотно, уперся в пыль, где еще недавно лежала коса.

- Не суди, жена, - прошамкал он, и голос его, надтреснутый, как лед на Волге в пору половодья, едва долетал до ушей. - Господь дал, Господь и взял. А тиун... тиун- то рука боярская, супротив неё не попрешь. Коли ослушаемся, не токмо сына, а и избы лишимся, и в полон пойдем, али в яму сгнием.

Савелий, сжимая топориче так, что костяшки пальцев побелели, словно кость, поднял глаза на отца. В них не было ни слез, ни мольбы - лишь глухая, затаенная ярость, что копилась в нем, как гроза в душный полдень.

- Не бывать тому, батюшка, - выдохнул он,. - Не для того я спину гнул, чтоб в холопах у них сгинуть. Уйду я. В леса уйду, к ушкуйникам, али в дальние земли, где княжеская рука коротка.

Прошка, все так же скалясь в своей юродивой усмешке, подошел ближе и похлопал Савелия по плечу, отчего тот вздрогнул. - В леса? - пропел Прошка, косясь на темную стену бора, что подступала к самой деревне. -Там леший бродит, да волки голодные. А на дворе - люди сытые, да злые. Куда ни кинь - везде погибель. Ты, Савелий, беги, беги... Только от судьбы своей, как от тени, не укроешься. Она за тобой, как пес цепной, по пятам пойдет.

Авдотья, услышав слова сына, вскочила, оттолкнула Прошку,вцепилась в рубаху сына , пропитанную потом. - Куда ты, кровинушка? -запричитала она, и голос ее, срываясь на визг, резал вечерний воздух. - Погубят! В лесу сгинешь, али волки задерут! Лучше уж на дворе, под оком людским, чем в чащобе без креста и молитвы!

Старик медленно поднял косу, но не для того, чтобы ударить, а чтобы опереться на неё, как на посох. Он посмотрел на небо, где первые звезды, холодные и равнодушные, проступали сквозь серую дымку.

- Ночь коротка, - промолвил он, и в словах его прозвучала горькая покорность. - Завтра солнце взойдет - и придут. А до того - молитесь, бабы. Ибо нет у нас заступника, кроме Господа, а Он нынче, видать, отвернулся от нашего двора.

Савелий молчал. Он смотрел на свои руки, на мозоли, что кормили всю семью, и чувствовал, как внутри него что-то надламывается. Завтрашний рассвет обещал не свет, а тьму, и он знал: если не уйдет сейчас, то уже никогда не станет хозяином своей судьбы.

Деревню накрыла тяжелая, душная ночь, пропитанная запахом гниющих листьев и липким, удушающим страхом.

Савелий, стараясь не шуметь, выудил из-за печи отцовский тайник - небольшой ларец, куда тот годами складывал каждую медную монету, а долг был куда больше этой мелочи. Дрожащими руками он выгреб всё дочиста, несколько серебряных монет, обрезки серебра и мелкие украшения перевязал в узелок и, крадучись, прошел к столу, прихватив последний каравай. Мать пекла его, заливаясь слезами, мечтая хоть раз накормить детей досыта перед тем, как их разлучат навсегда.

На лавке, свернувшись калачиком, спал - Прошка. С тех пор как начал ходить, он облюбовал это место, и даже в лютые морозы его невозможно было загнать на теплую печь.- Не уходи, Савелий... - внезапно донеслось из темноты.

Савелий вздрогнул, судорожно прижал к себе узелок и обернулся. Брат спал, подложив ладони под щеку, но его губы продолжали шевелиться: - Станешь ты вором, станешь разбойником, станешь рабом... будешь ты...

Дослушивать Савелий не стал. Метнулся в сени, толкнул дверь и выбежал во двор.

Ночь приняла его без единого звука. Он бежал, пока не заболело в боку, пока дыхание не стало рваться из груди короткими хрипами. Потом пошёл, всё время оглядываясь. Ему мерещилось, будто между деревьями мелькает огонь факела, будто за спиной трещат ветви и слышится тяжёлая поступь тиуновых людей.

Но погони не было.

Под утро лес поредел. Сквозь голые ветви проступило тусклое небо, а вскоре впереди открылась река — широкая, серая, покрытая клочьями тумана. Вода казалась неподвижной, однако у берега бесшумно кружились жёлтые листья.

Савелий вышел к Волге.

Именно сюда велел идти странник, ночевавший летом у них в овине. Тот рассказывал о новгородской вольнице, о быстрых ушкуях и людях, которые не гнут спины на господском дворе. Говорил, что смелому там всегда найдётся место, а добычи хватит и на мёд, и на хлеб, и на добрую одежду.

Тогда Савелий слушал его, затаив дыхание. Теперь эти рассказы казались единственной надеждой.

Он двинулся вниз по течению. Мокрые лапти скользили по глине, онучи давно пропитались водой, а узелок с серебром становился всё тяжелее. Несколько раз Савелий останавливался, прислушиваясь, но слышал только плеск воды и крик невидимой птицы.

Вскоре на песчаной отмели показалась ладья. Она была длинной и узкой, с высоко поднятым носом. Её загнали под нависшие над водой ветви и забросали сверху ольховыми сучьями. Возле ладьи сидел широкоплечий мужчина в потёртой сермяге и разделял щуку. Рядом лежали топор и короткое копье.

Савелий попятился, но мужчина уже поднял голову. - Долго ещё в кустах хорониться будешь?

Из-за ладьи появились ещё трое. Один держал лук, другой был опоясан мечом. Третий казался почти ровесником Савелия, но смотрел тяжело и настороженно, словно взрослый.

- Я... людей ищу. - Выговорил Савелий.

- Людей вокруг много. Каких тебе надобно?

- Ушкуйников.

Мужчины переглянулись. Тот, что чистил рыбу, вытер нож о траву и поднялся. - А зачем они тебе?

- С ними уйти хочу.

- От кого бежишь?

- Ни от кого.

Мужчина усмехнулся: - Кто ни от кого не бежит, тот по ночам лесами не крадёт.

Савелий промолчал.

- Звать как?

- Савелий.

- А меня Лукой кличут. Что с собой принёс, Савелий?

- Хлеб.

- И только?

Рука Луки неожиданно метнулась вперёд. Он схватил узелок прежде, чем Савелий успел отступить. Развязал его, вынул завернутую в холст ковригу, а затем высыпал на ладонь несколько серебряных монет и мелкие обрезки серебра. - Богат, - заметил он. - Сам нажил?

- Сам.

- Врёшь.

Лука взвесил узелок на ладони.- Серебро отцовское, хлеб материнский, а ты говоришь - сам. Выходит, первое дело уже сделал.

- Какое?

- Вором стал.

Савелий похолодел. Перед ним снова возник Прошка, свернувшийся на лавке. Плыл его сонный, бесцветный голос: «Вором станешь. Разбойником. Холопом...»

- Я не вор, - прошептал Савелий. - Я после верну.

- Все так говорят.

Лука передал серебро человеку с мечом, отломил кусок хлеба и принялся жевать.

- В ушкуй возьмёте?- спросил Савелий.

- Возьмём. Только у нас бездельников не держат. Грести умеешь?

- Научусь.

- Научишься, - согласился Лука. - Коли доживёшь.

Молодой лучник подошёл сзади. Савелий услышал шорох, попытался обернуться, но ему уже заломили руки. На запястьях затянулась сыромятная петля. - Вы что?! — Он рванулся, однако верёвка лишь сильнее впилась в кожу. - Пусти!

- Тихо, - сказал Лука. - Зверя распугаешь.

- Я серебро вам отдал!

- Этого за место в ладье мало. Остальное руками отработаешь.

- Я не холоп!

Лука посмотрел на него почти с жалостью.

- Был не холоп. А теперь наш должник.

Мужчины стащили ладью в воду. Савелия посадили между гребцами и привязали за пояс к скамье. Перед ним положили тяжёлое весло.

Солнце ещё не поднялось, когда ушкуй вышел на середину реки. Течение подхватило судно и понесло его прочь от родных мест.

Савелий смотрел на исчезающий в тумане берег и думал о матери. Она уже проснулась. Уже увидела пустой ларец, пропавший хлеб и распахнутую дверь. Быть может, зовёт его. Быть может, плачет.

-- Гребите! - Велел Лука.

Савелий стиснул зубы и налёг на весло.

Слова Прошки исполнились ещё до рассвета. К полудню Савелий перестал чувствовать ладони.

Сначала их жгло. Потом на коже вздулись пузыри, несколько лопнули, и весло сделалось скользким от крови. Каждый раз, когда Савелий замедлялся, сидевший позади гребец толкал его босой ногой в спину.- Не спи.

- Я не сплю.

- Стало быть, ленишься.

Река тянулась между тёмных берегов. Над водой висел холодный туман, в камышах кричали птицы. Изредка попадались рыбацьи челны, но их люди Луки обходили стороной. Завидев ушкуй, рыбаки спешили к берегу и прятались в протоках.

Савелий оглядывался на них с завистью. Даже самый бедный рыбак мог повернуть лодку туда, куда хотел. Мог пристать к берегу, развести огонь, возвратиться домой. Сам Савелий теперь не мог даже встать без разрешения. Молодого лучника, который связал ему руки, звали Микулой. Он сидел напротив и время от времени поглядывал на Савелия. Был он худ, темно-волос, с рассечённой бровью. На шее у него висел железный крестик. Когда солнце поднялось выше, Микула протянул Савелию деревянный ковш.- Пей.

Савелий сделал несколько жадных глотков.

- Ещё.
 - На всех вода одна.
 - Река кругом.
 - Нагнись и хлебай, - посоветовал сидевший сзади гребец.
- Остальные засмеялись.

Савелий вернул ковш. Микула заметил кровь на его ладонях, вытащил из-за пазухи клочок холста и бросил ему.

- Обмотай. Иначе завтра весло не удержишь.
- Завтра меня здесь не будет.

Микула усмехнулся:

- Я тоже так говорил.

Савелий поднял на него глаза.- Тебя тоже поймали?

- Меня никто не ловил. Сам пришёл.
- Тогда можешь уйти.
- Куда?

Савелий не нашёлся с ответом.

На носу ладьи Лука что-то обсуждал с человеком, опоясанным мечом. Того звали Яромиром. Говорил он редко, но остальные слушались его едва ли не охотнее, чем Луку. На щеке Яромира темнел старый рубец, перерезавший бороду.

Лука обернулся: -Микула!

- Чего?
- Берег высматривай. Ищи три сосны.
- Рано ещё.
- Тебе виднее или мне?

Микула спрятал ковш и поднялся. Удерживая равновесие, он перебрался на нос.

Савелий продолжил грести. Через некоторое время на высоком берегу показались три сосны. Они росли рядом, переплетаясь корнями над обрывом. Лука свистнул, и гребцы разом подняли вёсла. Ушкуй свернул в узкую протоку, почти скрытую камышами.

За поворотом обнаружилась небольшая заводь. Под деревьями стояли ещё две ладьи. Возле костров сидели вооружённые люди, чинили снасти, сушили одежду и варили в котле рыбу.

Савелий насчитал больше двадцати человек. -Пришли! - крикнул кто-то.

С берега ответили радостными возгласами. К ладье подбежали двое и поймали брошенную верёвку.

Савелий решил, что теперь его развяжут. Вместо этого Яромир перерезал петлю, державшую его у скамьи, вытащил из ладьи и передал коренастому человеку в меховой безрукавке. -Этот откуда?

- Из-под Твери, — ответил Лука. - Беглый.
- Крепкий?

Яромир взглянул на окровавленные руки Савелия.- Пока нет.

Коренастый сдвинул Савелию плечо, затем провёл ладонью по спине, словно выбирал телёнка на торгу. -К весне окрепнет.

Савелий отшатнулся: -Не трогай!

Человек ударил его под дых. Савелий согнулся, ловя ртом воздух, —норовистый.- Заметил коренастый.

-Обломается, - сказал Лука. -Все обламываются.

Савелия привязали к ольхе неподалёку от костра. Рядом сидели ещё трое пленников: седой мужчина в разодранном кафтане и два молодых парня. У одного лицо распухло от побоев. Второй смотрел перед собой и непрерывно шевелил губами, будто молился.

- Вас тоже на ладью взяли?- Спросил Савелий.

Седой мужчина покачал головой:- Нашу лодку взяли. С товаром.

- А вас зачем оставили?

-Откуп ждут.

- А если не дадут?

Седой посмотрел в сторону коренастого человека. -Тогда повезут дальше. Продадут.

Савелий вспомнил слова Прошки «Холопом станешь». От холода заболели зубы. Он стиснул их, чтобы никто не заметил дрожи.

У костра Лука и Яромир разговаривали с предводителем ватаги -высоким человеком в синем плаще. Имени его Савелий не слышал. Перед ним на расстеленной шкуре лежали серебряные монеты, слитки, наконечники стрел и несколько кусков воска. Предводитель делил добычу, отодвигая доли ножом.- Мало, - сказал Лука.

- Сколько принёс, столько и получил.

- Мы пять дней у устья стояли.

- А взяли что?

- Не наша вина, что купцы другой протокой пошли.

- Стало быть, плохо высматривали.

Лука помрачнел. -Завтра будет насад.

- Откуда знаешь?

- Рыбак проговорился. Из Углича идёт. Воск, кожи, серебро.

Предводитель задумался. -Стража?

- Десятка два. Может, меньше.

- Живыми брать?

- Коли весло бросят.

- А не бросят?

Лука пожал плечами.

Предводитель провёл остриём ножа по воску. -До рассвета отдохнём. Перекроете протоку тремя ушкуями. Лучников посадить на левый берег. Товар не портить.

Савелий слушал, затаив дыхание.

Теперь он понял, почему ладьи прятали в заводи. Ушкуйники ждали добычу. После еды лагерь затих. Одни улеглись прямо у костров, другие остались сторожить протоку. Савелию бросили половину копчёной рыбы. Он ел медленно, вынимая тонкие кости пальцами.

Микула подсел к нему.- Руки покажи.

- Зачем?

-Покажи.

Он развязал холст. Ткань присохла к ранам, и, когда Микула оторвал её, Савелий поморщился.

- Завтра будет хуже. - Сказал Микула.

- Я завтра уйду.

- Опять?

- Ночью перегрызу верёвку.

Микула потрогал сыромятный ремень, которым Савелия привязали к дереву.-До весны грызть будешь.

- Дай нож.

- А мне зачем?

- Скажу, что сам украл.

- Тебе поверят,- усмехнулся Микула. - Только меня всё равно повесят.

Он достал маленький глиняный сосуд и намазал ладони Савелия густой тёмной мазью. От неё пахло смолой и жиром.

-Почему помогаешь? - Спросил Савелий.

- Завтра грести рядом будем. Если весло уронишь, насад уйдёт.

- Пусть уходит.

- Тогда Лука с тебя шкуру снимет.

- А с тебя?

- И с меня.

Микула перевязал ему ладони свежим холстом.- Ты говорил, что сам к ним пришёл.

-Сам.

- Зачем?

Микула помолчал. -Думал, богатым стану.

- Стал?

- Видишь же.

Он поднялся, но Савелий удержал его за рукав.- Они правда людей продают?

- Иногда.

- Куда?

- Куда купят.

- И меня продадут?

-Если долг не отработаешь.

- Какой долг? Я ничего у них не брал.

-Ел их рыбу. Пил их воду. Место в ушкуе занял. Мазь мою извёл.

- Они сами меня схватили!

- Долгу всё равно, - тихо произнёс Микула. - Он всегда найдёт, за что зацепиться.- Он отошёл к костру.

Савелий прислонился затылком к стволу и закрыл глаза. Спать не хотелось, но усталость оказалась сильнее.

Ему приснился дом. Мать стояла у печи, повернувшись к нему спиной. Прошка сидел на лавке и болтал босыми ногами. Лицо у него было белое, словно присыпанное мукой.- Ты зачем серебро взял? - спросила мать.

Савелий хотел ответить, но рот оказался забит речным песком.

- Вором стал. - Сказал Прошка.

За стенами избы плескалась вода.

- Я верну. -Попытался выговорить Савелий.

- Разбойником станешь.

Вода хлынула через дверь. Печь погасла. Мать обернулась, но вместо лица у неё была тёмная пустота.

- Холопом...

- А после? - спросил Савелий. -Что после?

Прошка улыбнулся.- После домой придёшь.

-Когда?

- Когда дома не станет.

Савелий проснулся от прикосновения к плечу.

Над заводью ещё висела ночь. У костров двигались тени. Люди ,молча, надевали доспехи, проверяли тетивы, разбирали вёсла.

Перед Савелием стоял Лука.- Поднимайся.

- Не пойду.

- Поплывёшь.

- Не стану вам помогать.

Лука вытащил нож. Савелий вжался спиной в дерево, но тот лишь перерезал ремень.

- Я ведь могу тебя на берегу оставить, - негромко сказал Лука. - Вон с теми. После дела придём и решим, кому продать. А можешь сесть на весло. Тогда часть долга спишу.

- Не было никакого долга.

- Теперь есть.

Савелий посмотрел на пленников. Седой мужчина не спал и внимательно слушал их разговор. - Сколько грести?

- Пока не скажу остановиться.

- А потом отпустишь?

Лука улыбнулся:- Потом поговорим.

Савелий понял, что его не отпустят. Ни завтра, ни через неделю. Но, оставшись связанным, он лишится даже малой надежды. -Развяжи руки.

-Вот и славно.

Перед рассветом три ушкуя вышли из заводи.

Ладья Луки укрылась за поросшим ивняком островом. Второй ушкуй встал ниже по течению, третий спрятался в камышах. Лучники расположились на берегу.

Савелия посадили рядом с Микулой. За спиной встал Яромир с обнажённым мечом.- Весло уронишь, пожалеешь. - Предупредил он.

Ждать пришлось долго.

Туман медленно светлел. С берега доносился плеск. Где-то в лесу застучал дятел. Савелий слышал дыхание гребцов и скрип уключин. Наконец Микула коснулся его локтем. Из тумана показался высокий нос торгового насада. Тяжёлое судно медленно двигалось по течению. На носу стоял человек с шестом, за ним виднелись гребцы и вооружённые стражники. Над бортами возвышались тюки, бочки и плетёные короба.

Лука поднял руку. Все напряглись. Насад поравнялся с островом. Рука опустилась.- Пошли!

Гребцы разом налегли на вёсла. Ушкуй вылетел из-за ивняка. Одновременно с берега ударили лучники. Стрелы застучали по борту насада.- Оружие бросай! - закричал Лука. - Тогда живы останетесь!

В ответ с насада полетело копьё. Оно вонзилось в скамью рядом с Савелием.

- Гребите! - Рявкнул Яромир.

Савелий навалился на весло. Ушкуй приблизился к торговому судну. Микула бросил крюк, но тот сорвался с борта.- Ещё раз!

Микула потянулся за другим. В эту минуту один из стражников насада выпустил стрелу. Микула дёрнулся и выронил крюк. Стрела торчала у него из плеча. Савелий перестал грести. - Не стой! - Закричал Микула.

Насад уже проходил мимо. Ещё несколько мгновений - и тяжёлое судно вырвалось бы из ловушки.

На дне ладьи лежал запасной крюк с привязанной верёвкой. Савелий смотрел на него.

Если ничего не делать, купцы уйдут. Ушкуйники бросятся в погоню, и в суматохе, быть может, удастся прыгнуть в воду.

Но Яромир стоял за спиной. Меч его был поднят.- Крюк! - приказал он. Савелий схватил верёвку.

На борту насада появился безбородый парень в кожаном нагруднике. Их взгляды встретились. Парень понял, что сейчас произойдёт, и поднял топор. Савелий размахнулся. Ему показалось, что время остановилось. Он вспомнил Прошку. Мать. Пустой ларец. Серебро на ладони Луки.

Потом бросил. Крюк перелетел через воду и зацепился за борт насада. -Тяни! - Крикнул Лука.

Ушкуйники ухватились за верёвку. Савелий тянул вместе с ними. Торговое судно разворачивалось поперёк течения. Второй ушкой ударил ему в другой борт, третий перекрыл путь. Через несколько мгновений люди Луки полезли на насад. Всё закончилось быстро. Когда Савелий поднялся на палубу, уцелевших купцов уже поставили на колени. Ушкуйники ломали замки на сундуках и вытаскивали из трюма товар. Под ногами катались серебряные монеты. Лука подошёл к Савелию и хлопнул его по плечу. - Добре бросил.

Савелий смотрел на безбородого парня. Тот сидел среди пленников, прижимая ладонь к разбитому лицу.

- Я только крюк кинул. - Сказал Савелий.

- А мы только по верёвке поднялись.

- Я никого не грабил.

Лука нагнулся, поднял с палубы серебряную монету и вложил ему в руку. - Теперь грабил.

Савелий хотел бросить серебро за борт, но пальцы не разжались. Монета была холодной и липкой от крови.

Тверская земля. 1333 год.

Река Волга. Пристанище ушкуйников

Прошло три года, и Савелий стал командовать одной из ладьей. Он изменился, из пятнадцатилетнего парнишки он превратился в крепкого с сильными руками восемнадцатилетнего парня. Взгляд его, некогда полный мальчишеского испуга, теперь стал тяжелым и цепким, как у старого речного волка. Его лицо стало суровое, многие бывалые гребцы невольно отводили глаза. Савелий научился читать реку по едва заметным всплескам и понимать повадки ветра.

Теперь он не просто следовал за старшими, а сам принимал решения, от которых зависела жизнь людей. Его ладья, «Ветер» - так её прозвали за легкий ход и за то, как она первой шла по реке, разрезая воду носом, будто острым ножом.

Савелий привык к запаху прелой воды, дегтя и соленого пота, став неотъемлемой частью этой вольной, опасной жизни. Он больше не искал одобрения в глазах атамана - он искал добычу, и его рука, уверенно сжимавшая рулевое весло, знала, что впереди их ждут не только пороги, но и слава, которую куют лишь те, кто не боится бросить вызов самой судьбе.

Они отошли от берега, как раздался сладкий голос. - Савельюшка!

Все оглянулись, а старик Егор зло поджал губы. На крутом, ещё не затоптанном травой берегу стояла девушка. Ей было, наверное, лет шестнадцать, не больше. На ней был голубой сарафан - чистый, светлый, как утреннее небо над водой. Ткань мягко облегла тонкую фигуру и чуть колыхалась от ветра. На плечах лежала светлая коса, убранная небрежно, без пышности, но так, что весь её вид казался нарядным без всяких лишних украшений. На голове был венок из ромашек, простой, полевой, и оттого особенно заметный. Лицо у неё было живое, с резкими, по-лисий острыми чертами, а глаза - зелёные, яркие, такие, будто в них и вправду спряталась трава после дождя. Они горели так, не испугом, а тем вниманием, от которого невозможно отвести взгляд сразу.

- Уйди срамота да и только. - Рывкнул Егор зло, с какой -то недоброй ухмылкой посмотрел он на Савелия. Уже потом Савелий будет вспоминать эту ухмылку. - Хорошая дочь твоя! - Улыбнулся Савелий, жмурясь от прошедшей ночи. А девушка шла за ходом лодки и уже не кричала и только один раз махнула им рукой. - Овдогья жди, готовься к свадьбе, подарки навезу. - Крикнул Савелий и не заметил, как Егор сжал весло и злобно заскрипел зубами. А рядом сидевший Петр ткнул его в плечо.

Впереди, за изгибом широкого плеса, показались очертания купеческого каравана. Тяжелые, грузные суда, обремененные товаром, двигались медленно, словно ленивые звери, не подозревая, что за ними уже тянется хищная тень. Савелий прищурился, оценивая расстояние. Солнце слепило глаза, отражаясь в речной глади, но он видел главное: охрана у купцов была

слабой, а их ладьи сидели в воде слишком глубоко, чтобы быстро уйти от погони. - Сильнее братцы! - Негромко, но властно скомандовал он. Голос его окреп, приобретя ту стальную нотку, которая не допускала сомнений.

Гребцы, до этого работавшие вполсилы, синхронно налегли на весла. «Ветер» вздрогнул, словно живое существо, почувшавшее кровь, и рванул вперед, разрезая воду с тихим, свистящим звуком. Савелий чувствовал, как под его ладонями вибрирует рулевое весло, передавая каждое движение течения. Он знал: сейчас начнется та самая игра, где цена ошибки - не просто потеря добычи, а холодная глубина, которая не прощает слабости.

Он обернулся к своим людям. В их глазах, ещё минуту назад сонных и расслабленных, теперь разгорался азарт. Они верили ему, потому что за эти три года Савелий ни разу не завел их в тупик и всегда делил с ними и скудную похлебку, и ярость сечи. - Не стрелять до моего знака! - бросил он, не отрывая взгляда от головного судна каравана. - Нам нужен груз, а не утопленники.

Ветер внезапно стих, словно затаив дыхание перед бурей. Савелий поправил пояс, нащупав рукоять верного ножа, и почувствовал, как внутри разливается привычное, ледяное спокойствие. В этот миг он был не просто ушкуйником - он был хозяином этой реки, и сама судьба, казалось, замерла, ожидая, какой выбор он сделает в следующую секунду. «Ветер» неумолимо сокращал дистанцию, и до столкновения оставались считанные мгновения. «Ветер» неумолимо сокращал дистанцию, и до столкновения оставались считанные мгновения. Савелий уже видел испуганные лица купцов, когда из-за поворота, скрытого густым прибрежным кустарником, внезапно вырвались не торговые суда, а тяжелые, закованные в железо боевые ладьи. Это была засада.

Удача, столь благоволившая ему все эти годы, оказалась коварной ловушкой. Раздался оглушительный треск - тяжелый таран вражеского судна с размаху ударил в борт «Ветра». Дерево застонало, ломаясь, как сухая лучина. В ту же секунду воздух наполнился свистом стрел, и палуба, еще мгновение назад бывшая надежной опорой, превратилась в кровавое месиво.

Брызги смешивались с кровью. Савелий чувствовал, как пальцы судорожно сжимают рукоять меча, а сердце бьется о ребра, точно пойманная в силоч птица. Всего мгновение назад он был хозяином своей судьбы, командиром ладьи, ведущим людей за собой сквозь туманные воды северных рубежей. Теперь же мир вокруг него рушился. Крики товарищей тонули в грохоте лопающегося дерева. Ладья кренилась, принимая в себя воду, которая жадно лизала подошвы его сапог. Савелий видел, как Василь - тот самый Василь, что ещё утром спорил с ним о дележке добычи - застыл с открытым ртом, глядя на приближающийся борт вражеского судна. Удар был коротким и беспощадным. Таран пробил борт, и мир вокруг Савелия внезапно перевернулся.

Вода попала в легкие, когда он погрузился в воду. Тяжелая одежда тянула вниз, затягивая в бездонную синеву, где плавали тела тех, кому не удалось выбраться. Савелий боролся, всплывая на поверхность, жадно хватая ртом воздух, пока чьи-то грубые руки не схватили его за шиворот. - Живой! - Раздался хриплый голос над самым ухом.

Его рывком вытянули на палубу. Савелий попытался подняться, но тут же почувствовал резкую боль в руке. А в глазах потемнело, когда тяжелый сапог опустил его на грудь, прижимая обратно к доскам палубы. Над ним склонилось лицо незнакомца с черными глазами и короткой бородой. - Ушкуйники... - презрительно выплюнул слова он. Савелий попытался что-то ответить, но вместо слов из горла вырвался лишь глухой кашель.

- Вот он батюшка, вот он! - Голос Егора был сладким и подобострастным.

Савелия снова поднимали, на этот раз за шкуру, словно котенка или обрывок тряпки, и потащили к люку. Внизу ждала темнота, пахнувшая сыростью и застарелым страхом. - Спускайте их вниз! - скомандовал кто-то сверху.

Удар о дно трюма выбил из Савелия остатки воздуха. Он упал лицом в жижу из помоев и гнилой соломы. Рядом послышались стоны и глухие удары - подельников бросали следом за ним одного за другим. Когда люк захлопнулся, воцарилась густая, липкая тишина, нарушаемая лишь плеском воды за бортом и тяжелым дыханием людей.

Савелий перекатился на спину, глядя в потолок трюма. Тело ныло, рука была рассечена глубоко - кровь сочилась сквозь рубаху. Он с трудом сел и оторвал кусок ткани от рубахи и неумело себя перевязал.

- Ты виноват в этом, - раздался сзади хриплый голос Василя. Тот лежал неподалеку, пытаясь сесть и держась за разбитую голову. - Ты повел нас прямо под удар... мы бы заметили их раньше, если бы ты не спешил!

Савелий медленно повернул голову. Глаза его сверкнули холодной яростью. Три года он был ватаманом, среди этих людей; три года он превращался из мальчишки в мужчину, который ведет за собой команду. И сейчас этот трусливый пес решил обвинить его? - Заткнись! - прошипел Савелий, поднимаясь на ноги. Голова закружилась, но он устоял. - Иначе уморю тебя прямо здесь, чтобы больше не слышать твоего скулежа. Это Егор... - Савелий замолчал.

Василь осекся, увидев выражение лица бывшего ватмана. В полумраке трюма Савелий казался огромным и страшным: волосы спутались солью и грязью, кожа побледнела от потери крови, но взгляд оставался таким же твердым и беспощадным, каким он был во время последнего боя. Василь присмирел и отполз в угол, стараясь, стать незаметным.

Шли дни или часы - в темноте трюма время перестало существовать. Им изредка спускали воду в общей деревянной кадке и черствый хлеб, который приходилось делить на всех. Напряжение росло с каждой минутой; люди становились раздражительными и злыми от голода и неизвестности.

Однажды ночью Василь снова попытался заговорить о том дне на реке. Он шептался с кем-то из сотоварищей, обвиняя Савелия в том, что тот хотел единолично присвоить всю добычу с последнего рейса и поэтому подверг их опасности. Савелий слышал каждое слово сквозь шум волн и скрип такелажа над головой.

Когда Василь попытался схватить его за руку, чтобы привлечь внимание или просто спровоцировать драку - Савелий среагировал мгновенно. Он резко выбросил ногу вперед, ударив противника в живот с такой силой, что тот сложился пополам и с глухим стуком врезался спиной в стенку трюма. Василь охнул и обмяк; его голова ударилась о выступ балки, и он отключился на несколько часов. Остальные пленники испуганно замолчали и отодвинулись от Савелия подальше. Теперь он сидел один в своем углу, глядя в пустоту и слушая мерный стук сердца своего врага-соседа по несчастью.

Лодка дернулась всем корпусом; раздался грохот цепей и крики наверху - они приставали к берегу. Люк распахнулся с оглушительным скрипом, и внутрь ворвался столб яркого солнечного света. Пленники зажмурились, закрывая глаза руками от непривычного блеска. - Вставайте! Живо! - Раздалось сверху на чужом языке, но смысл был понятен каждому без толмача.

Их вытаскивали наружу по одному, волокли по доскам палубы на раскаленный песок берега. Савелий шурился от солнца, чувствуя запах соли и чего-то еще... пряностей? Он огляделся вокруг: многоголосый рынок шумел повсюду; люди в странных одеждах торговали тканями, фруктами и животными под небом такого чистого голубого цвета, какого он никогда не видел дома на севере.

Прищурившись от солнца, Савелий вдруг заметил величественное здание с высоким куполом. Храм? Он привычно искал глазами знакомые кресты или резные изображения святых их лиц... но увидел лишь холодный блеск металла в форме полумесяца.

- Где мы? - Прошептал кто-то рядом с ним дрожащим голосом.

Никто не ответил. Солдаты грубо толкнули их вперед к рядам клеток и столбов с цепями. Савелий шел молча, глядя прямо перед собой; внутри него копилась холодная ярость и осозна-

ние того факта: теперь он здесь никто. Лишь товар для продажи. Воздух, пропитанный густым ароматом пряностей, гниющих фруктов и немых тел, казался густым, как патока. Савелий чувствовал, как липкий пот стекает по спине, но не смел даже поднять руку, чтобы вытереть лоб — надсмотрщики с кривыми ятаганами на поясах следили за каждым движением, готовые обрушить тяжелые плети на спины пленников за малейшую провинность.

Вокруг кипела чужая, пугающая жизнь. Торговцы в пестрых халатах выкрикивали цены, перебивая друг друга, и в этом гомоне Савелий различал звуки, которые резали слух своей гортанной чуждостью. Он видел, как мимо пронесли на носилках закутанную в шелка женщину, чьи глаза, подведенные сурьмой, на мгновение встретились с его взглядом. В них не было ни жалости, ни любопытства — лишь холодное безразличие, с каким смотрят на придорожный камень или сломанную утварь.

Его толкнули к низкому помосту, застланному грубой циновкой. Савелий споткнулся, едва удержавшись на ногах, и тут же почувствовал, как чья-то цепкая рука схватила его за подбородок, заставляя запрокинуть голову. Грубые пальцы разжали челюсть, проверяя зубы, словно у породистого жеребца.

- Крепкий, - прозвучал над ухом хриплый голос на ломаном наречии. - Для галер сгодится.

Его продали быстро - крепкий молодой парень с широкими плечами пользовался спросом даже среди рабов-иностранцев. Покупатель был худощавым человеком с острым взглядом; он долго осматривал Савелия прежде чем кивнуть продавцу сделки закрыта.

Вскоре Савелий оказался прикованным к длинному веслу на огромной галере вместе с сотней таких же несчастных мужчин разных национальностей и возрастов всех цветов кожи мира имели один общий признак - кандалы на щиколотках и одинаковые выражения безнадёжности на лицах.

- Юсуф! - рявкнул надсмотрщик с длинным хлыстом в руках, ударяя по палубе рядом с его ногами так сильно, что щепки разлетелись во все стороны. - Забудь свое имя! Забудь свой дом! Здесь ты только часть этого корабля! Греби! - Толмача и здесь не надо было и так было всё ясно.

Савелий взялся за рукоятку весла; дерево было шершавым и холодным под пальцами. Он взглянул вперед на спины других гребцов и впервые за долгое время почувствовал настоящий страх - страх оказаться навсегда забытым в этом чужом мире под именем другого человека.

Соль жгла кожу, превращая каждую царапину в открытую рану. Савелий - теперь уже Юсуф, как звали его надсмотрщики, - чувствовал, как ржавое кольцо впивается в ногу и запястье, стирая плоть до костей. Каждый толчок тяжелого весла отдавался тупой болью в плечах, а спина давно онемела от бесконечного ритма, навязанного барабаном. Воздух в трюме был густым, пропитанным запахом пота, гнили и отчаяния.

Он помнил другой мир: запах соснового леса, холодный блеск стали абордажной сабли и шум русского ветра. Теперь же вокруг была лишь бесконечная чернота воды, вспыхивающая редким светом через щели в палубе, и глухие стоны товарищей по цепи.

«Морской ястреб» бился в конвульсиях. Шторм застал галеру врасплох, превратив море в кипящий котел из пены и тьмы. Корабль кренился так сильно, что гребцы едва удерживались на своих местах, сбитые с ритма яростными ударами волн. Сверху доносились крики матросов, грохот падающих грузов и свист ветра, который казался воем тысячи раненых зверей.

Юсуф сжал зубы, чувствуя, как металл врежется глубже. В этот миг он ненавидел всех: тех, кто продал его в рабство, тех, кто сейчас стоял на палубе в шелках, и даже само море. Но больше всего он ненавидел свою слабость.

Внезапный удар сотряс корпус корабля. Скрежет дерева о скалы или обломки другого судна - Юсуф не знал точно. Галера резко дернулась, и гребцы посыпались вперед, сбивая друг

друга с ног. В этом хаосе цепь, державшая его руку, натянулась до предела. Металл, изъеденный солью и временем, жалобно звякнул... и лопнул.

Свобода была мгновенной и пугающей. Юсуф не стал ждать приказов надсмотрщиков; он знал, что за побег полагается смерть, но оставаться здесь означало погибнуть медленно и мучительно. Выбравшись из трюма сквозь дыру в палубе, он вдохнул полной грудью ледяной ночной воздух.

Палуба была залита водой. Люди метались в панике, пытаясь удержать такелаж или спастись от волн, захлестывавших борта. Юсуф бросился к краю, готовый прыгнуть в бездну, когда увидел её.

Хрупкий силуэт в белом платье замер у самого края борта. Девушка смотрела вниз с таким выражением лица, будто море было единственным выходом из этого кошмара. Ветер рвал её волосы, обнажая бледное лицо и огромные глаза, полные ужаса и странного смирения.

Секунда - и волна с силой ударила в борт «Морского ястреба». Девушку буквально смыло в черную воду. Она даже не закричала; лишь короткий всплеск — и море сомкнулось над ней.

Юсуф не раздумывал. Он прыгнул вслед за ней, чувствуя, как холодная вода обжигает легкие, выбивая весь воздух из груди. Течение тащило его прочь от корабля, но он греб изо всех сил, всматриваясь в темноту. Белое платье мелькнуло справа — девушка барахталась, захлебываясь пеной и солью.

Он достиг её в тот момент, когда она начала уходить на дно. Юсуф обхватил её за талию, притягивая к себе; пальцы девушки судорожно вцепились в его обрывки одежды. Вместе они боролись с течением, пока берег не показался серой полосой впереди. Каждое движение давалось с трудом - мышцы отказывались повиноваться, сердце колотилось где-то в горле, но он продолжал грести, пока ноги не коснулись дна.

Вытолкнув девушку на песчаный берег, Юсуф рухнул рядом с ней лицом вниз. Песок забивался в рот и ноздри, вода затекала в уши. Он слышал шум моря и собственный хриплый вдох.

- Ты... ты жива? - Прошептал он, переворачиваясь на спину.

Девушка лежала неподвижно, её кожа была блее лунного света. Только едва заметное движение груди говорило о том, что дыхание сохранилось. Юсуф попытался подняться, но тело было слишком тяжелым; сознание начало ускользать, окутывая его серым туманом. Последним, что он запомнил, перед тем как окончательно провалиться в забытие, был взгляд девушки - испуганный взгляд принцессы Айсылу

Когда стража нашла их они сидели на песке. Ветер с моря был колючим, пропитанным солью и сыростью, которая пробиралась под одежду, заставляя плоть ныть от холода. Юсуф сидел на сером, влажном песке, глядя вперед невидящим взглядом. В нескольких шагах от него, свернувшись калачиком, сидела Айсылу. Девочка дрожала всем телом, ее маленькие плечи поднимались и опускались в такт прерывистому дыханию. Она пыталась спрятать руки в складках своего расшитого платья, которое теперь было испачкано в песке и тине.

Юсуф видел её страх, видел, как по бледным щекам катятся слезы, но не шевельнулся. Он не мог ничего сделать - ни согреть её своим телом, ни укрыть он был в одних штанах и в остатках рваной и мокрой рубахе. Между ними лежала невидимая стена кто он и она.

Когда на горизонте показались первые всадники в одеждах стражи, Юсуф даже не поднял головы. Он знал, что их найдут. Знал, что этот момент неизбежен.

- Здесь они! - Раздался грубый голос сверху.

Копыта лошадей глухо застучали по мокрому песку. Один из стражников спрыгнул на землю, тяжело приземлившись рядом с ними. Он обернулся к товарищам, указывая рукой на них у самой кромки воды.

- Живы? - Спросил второй, спешиваясь.

Юсуф медленно поднял взгляд. В глазах стражника читалось недоумение, смешанное с брезгливостью.

- Живы. - Коротко ответил Юсуф, поднимаясь на ноги. Его суставы затекли, а пальцы почти не слушались от холода.

Айсылу вздрогнула и сжалась ещё сильнее, глядя на солдат с ужасом и надеждой одновременно. Стража быстро взяла ситуацию под контроль: девочку осторожно подняли на руки, завернули в чистый плащ и усадили в седло к одному из всадников. Юсуфа же грубо схватили за локоть, заставляя идти вслед за ними.

Путь до дворца казался бесконечным. Город шумел вокруг них привычной суетой, торговцы зазывали покупателей, дети бегали по узким улочкам, а собаки лаяли вслед процессии стражи. Никто не подозревал, что в центре этого живого потока движется маленькая принцесса и человек, который должен был стать ее проклятием или спасением.

Когда они вошли в тронный зал, тяжелые двери с грохотом захлопнулись за их спинами. Зал был огромен и холоден; высокие своды терялись в тени, а эхо каждого шага отдавалось гулким звоном. В конце зала, на массивном золоченом троне, восседал султан Орхан.

Его лицо было непроницаемым, как гранитная скала. Темные глаза внимательно изучали каждого из присутствующих, пока взгляд не остановился на Юсуфе, которого поставили на колени. Султан молчал долго - так долго, что придворные начали переглядываться с беспокойством, а стражники выпрямились ещё сильнее, боясь совершить малейшую ошибку.

Наконец Орхан подался вперед. Его голос прозвучал низко и властно: - Ты вернул мою дочь целой и невредимой! - Юсуф молчал, глядя прямо перед собой. Он чувствовал на себе десятки взглядов - осуждающих, любопытных, враждебных. - Я слышал о твоих навыках, - продолжил султан, медленно поднимаясь с трона. - О том, как ты сражаешься и как умеешь ждать своего часа. Мне не нужны лстецы или трусливые бараны вокруг неё. Ей нужен кто-то, кто знает цену жизни и смерти.

Султан спустился по ступеням к ним вниз. Его тяжелые одежды шуршали по каменному полу. Остановившись в шаге от Юсуфа, он внезапно заговорил громче: - Отныне ты будешь её охранником! Ты будешь следовать за ней повсюду, дышать тем же воздухом и спать у дверей её покоев!

По залу пронесся ропот изумления. Визирь перешептывались между собой; лица придворных исказились от недоумения - назначить простого человека, раба, галерщика, таким важным постом было неслыханно и почти безумно. Кто-то попытался возразить:

- О великий султан! Это... это слишком необычное решение! Мы могли бы подобрать кого-то из проверенных семей...

Орхан медленно повернул голову в сторону говорившего. В зале мгновенно воцарилась тишина, такая плотная, что слышно было, как потрескивают факелы в настенных кольцах. Правитель не повысил голоса, но в его словах, прозвучавших как удар клинка о камень, чувствовалась сталь: - Проверенные семьи? - он едва заметно усмехнулся, а лицо исказилось гневом. - Те, чьи сыновья уже делят между собой мои земли, пока я сплю? Те, чьи жены шепчутся в гаремах, плетя интриги, достойные ядовитых змей? - Он сделал шаг к визирю, и тот невольно отступил, споткнувшись о край ковра. - Юсуф не знает имен ваших родов, он не связан клятвами с вашими кланами и не ищет расположения ваших господ. Его преданность - это чистый лист, на котором я сам начертаю свою волю.

Юсуф почувствовал, как внутри него что-то надломилось или обрело новую форму. Он посмотрел на Айсылу; девочка смотрела на него широко открытыми глазами, в которых читалось облегчение и странное доверие - или была ли это лишь иллюзия? Теперь он был связан с ней навечно, стал её тенью в этом золоченом плену дворца. И именно здесь начиналась его настоящая игра. Жизнь Юсуфа превратилась в рутину: сад, уроки принцессы, ночные караулы.

Дворец стал для него золотой клеткой, а придворные — высокомерными теньями, презирающими «выскочку» с тёмным прошлым. Однако статус охранника давал главное - свободу.

Воспользовавшись тем, что Айсылу заперлась в библиотеке, Юсуф выбрался на базар. Шум рынка не успокоил его, а лишь обострил чувства. В толпе он узнал Василия - своего бывшего соратника. Тот выглядел опустившимся: грязный кафтан, затравленный взгляд и рука, вечно сжатая в кулак.

Юсуф перехватил запястье Василия в тот миг, когда тот пытался обчистить карман купца.

- Всё ещё промышляешь этим? - Негромко спросил он.

Василий вздрогнул. Узнав бывшего атамана, он попытался выпрямиться, хотя стража уже начала проявлять интерес к их группе.

- Савелий... ватаман? Ты жив? - Прохрипел он.

Юсуф впился в него тяжёлым, холодным взглядом. - Кто-то служит султану, кто-то прячется в тенях, - сказал он, сжимая руку Василия сильнее. - Мне нужны те, кто умеет исчезать. Найди мне лучших воров и убийц, которых здесь боятся. И не заставляй меня ждать.

Василий не смел, ослушаться; он лишь коротко кивнул, понимая, что эта встреча меняет всё. Юсуф отпустил его руку и проводил взглядом, ощущая, как внутри растёт опасный план. Статус охранника дал ему идеальное прикрытие: теперь он мог не просто охранять сокровища султана и его дочь - он мог изучить их слабые места изнутри.

На следующий день они гуляли в саду Алмагуль села у фонтана который построил её отец в честь неё, на нем была изображена лань . Девочка достала оленя

- Почему ты смотришь на него так, будто он живой? - спросил Юсуф.

- Это мой оберег, - прошептала она, сжимая фигурку. - Мама сказала: пока он со мной, я найду дорогу домой.- Её голос словно колокольчик зазвенел в сердце Юсуфа . – И когда мне плохо я просто смотрю на него и мне становится спокойно. – Идём Юсуф, мне нужно помолиться.

Юсуф шёл за ней и удивлялся, он хотел быть с ней рядом и не отпустить.

Алпарслан бостанджи-паша появился в комнате как призрак тихо и быстро. Юсуф даже вздрогнул , а кызляр –ага который давал ему наставления замер как птица перед змеей. - Завтра вы едете в летний дворец!- Алпарслан не повышал голос, но умел говорить так, что его слышали и без крика. Черты его лица были жёсткими, а шрамы, пересекавшие щеку и виски, делали его взгляд ещё тяжелее. Он будто вбивал слова в камень.- Ты понял!?.- На нём был тёмно-синий кафтан из плотной шерсти, перехваченный широким кожаным поясом, на котором висел короткий нож в простых ножнах. На плечи падал тяжёлый плащ, подбитый тёмным мехом; у воротника блестела тонкая серебряная застёжка. Высокие сапоги были начищены до такого блеска, что в них, казалось, можно было увидеть утреннее небо. Даже в этой строгой одежде он выглядел как человек, который привык распоряжаться чужим временем и чужими судьбами.

- Да!- Юсуф попытался не выразить радость, его план, конечно, срывался, но пусть принцесса, чем ничего.

Он знал, что Алпарслан не любит лишних вопросов, ещё до того, как он повысил голос.

-А ты?- Он оглянулся на кызляр-агу . - Голос паша стал совсем тише, но от этого лишь приобрел зловещие.

Кызляр-ага, чье лицо всегда напоминало застывшую маску безразличия, едва заметно вздрогнул. Он поправил расшитый золотом пояс, и в тишине коридора отчетливо прозвучал сухой шелест шелка.- Все будет исполнено в точности, как вы повелели, господин, - ответил он, не поднимая головы. Его голос, лишенный мужской твердости, казался неестественно гладким. - Кареты подадут к рассвету. Стража уже отобрана из числа самых надежных людей. Ни один лишний взгляд не упадет на покои принцессы.

Алпарслан подошел к нему вплотную, возвышаясь над евнухом, как скала над прибрежным песком. Он медленно провел пальцем по рукояти своего ятагана, и этот жест был красноречивее любых угроз. - Если хоть один волос упадет с головы госпожи, или если до моих ушей дойдет хоть шепот о том, что кто-то из вас позволил себе лишнее... - паша сделал паузу, позволяя тишине стать невыносимой. - Вы оба будете молить о смерти, но не получите её.

Юсуф почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Он знал, что за «летним дворцом» скрывается не только отдых, но и тонкая игра, где ставкой была жизнь. Алпарслан не просто отправлял их в сопровождение - он расставлял фигуры на доске, где каждый из них был лишь пешкой, готовой к жертвоприношению.

Паша, сделал знак, что бы они ушли и отвернулся к окну, за которым уже сгустились сумерки, предвещая беспокойную ночь.

Юсуф и кызляр-ага синхронно поклонились и попятились к выходу. Лишь оказавшись в прохладном полумраке коридора, Юсуф позволил себе выдохнуть. Впереди был путь, который мог стать либо его возвышением, либо последней дорогой в жизни. И, глядя на напряженную спину евнуха, он понял: в этом дворце даже тени имеют уши, а стены — память. Ему стоило немалого труда не выдать себя. Внутри, конечно, всё дрогнуло: план срывался, и это было неприятно. Но даже плохая новость порой открывает дверь к новой возможности. Принцесса - это не то, на что он рассчитывал, но тоже не пустяк.

Ему стоило немалого труда не выдать себя. После разговора он долго не задерживался на глазах у людей. В этом доме лишняя улыбка могла стоить дороже молчания. Юсуф спустился во двор, где слуги чистили повозки, а конюхи спорили о чём-то своём, и постоял у стены, будто просто ждал распоряжений. На самом деле он слушал. Летний дворец был далеко, за сухими холмами, и путь туда всегда сопровождали охрана и обозы с водой. Слишком много людей, слишком много правил, слишком мало случайностей. Но именно поэтому место казалось удобным: порядок усыпляет бдительность.

Ночью Нижний город казался не городом, а старой раной на теле крепостной стены. Узкие улицы уходили между покосившимися домами, дворы стояли пустыми, только изредка скрипели ставни или хлопала где-то незапертая дверь. В такие часы здесь чувствовали себя хозяевами те, кто не любил свет: карманники, перекупщики, беглые люди и те, кто предпочитал не называть своих имён.

Юсуф шёл быстро, стараясь не смотреть по сторонам слишком пристально. В этом квартале взгляд мог обернуться вопросом, а вопрос - неприятностью. У него был плащ без знаков и одна короткая фраза в голове, которую он повторял, как молитву: не ошибись.

Переулок вывел его к глухой стене и низкой арке, под которой пахло сыростью и старым деревом. Он успел сделать ещё шаг, когда из темноты сбоку мелькнула рука, и холод металла легла ему на горло.

- Стоять.- Он замер. Нож не давил, но напоминал о себе уверенно и без лишних движений.- Кто? - Спросил голос у самого уха.

Юсуф сглотнул и ровно, без спешки, ответил:- Шип в пустыне.

Пауза вышла короткой, но он успел услышать, как где-то далеко, у стены, лязгнуло копьё патруля. Здесь не любили лишних звуков.

- А, - сказал тот же голос уже с насмешкой. - Мы тебя ждём.

Нож исчез так же быстро, как появился. Из тени вышли двое, а за ними ещё один, которого Юсуф сперва не заметил. У всех были одинаково спокойные лица людей, привыкших не удивляться ни ночи, ни чужим словам. Его, молча, взяли под локти, и повели через двор, где в углу чернел сломанный колодец, а под стеной валялись доски и пустые ящики. Сарай оказался почти совсем разрушенным. Дверь держалась на одном ржавом крюке, в крыше были щели, через которые виднелось небо - мутное, с редкими звёздами. Внутри стоял шербатый стол, две

скамьи и несколько свечей в жестяных подсвечниках. Пахло пылью, старой соломой и влажной верёвкой. Юсуф снял плащ, положил его на спинку стула и сел так, чтобы видеть всех сразу. Привычка, выработанная годами, срабатывала сама собой: если вокруг люди, которым ты не вполне доверяешь, лучше не поворачиваться к ним спиной даже в комнате с одной дверью.

- Говори! - Сказал человек с тонким шрамом на подбородке. Судя по всему, именно он был здесь старшим.

Юсуф кивнул, - Все золото которое есть на принцессе и все что есть в ящиках, ваши. Мне нужна принцесса.

Человек со шрамом хмыкнул. - Зачем нам это? Зачем нам рисковать?

- Я рискую не меньше, - Ответил Юсуф. - Если я получу то что хочу, вы получите своё, вы получите золото.

В сарае стало тихо. Свеча потрескивала, где-то под крышей шуршала мышь. Наконец старший кивнул. - План есть?

- Мне нужно взять принцессу завтра, я не знаю дороги в летний дворец за сухими холмами.

- Эту дорогу я знаю!- Со шрамом почесал себя за ухом ножом.- Тебе только остается ехать сзади, что бы мы тебя не задели и очень скромно.

-Лучше скромно и живым, чем громко и мёртвым. - Ответил Юсуф.

Это вызвало у них короткий, почти дружелюбный смех. Напряжение в комнате чуть ослабло. Один из людей поднялся, налил Юсуфу воды в жестяную кружку и поставил рядом с листом. Он выпил медленно, чувствуя, как к горлу возвращается обычное человеческое тепло.

План они обсуждали недолго. В таких местах слова ценят только до той минуты, пока они помогают делу. Потом остаются только детали: кто, где встанет, кто подаст знак, кто что сделает. Юсуф слушал, и время от времени поправлял план. В Нижнем городе важно было знать не только дорогу, но и то, как по ней ходит воздух.

Когда всё было решено, шрам поднялся и протянул Юсуфу руку и тот пожал её. А на улице ночь уже начала бледнеть. Где-то над крышами появлялась первая серость рассвета, и камни мостовой выглядели мокрыми, хотя дождя не было. Юсуф вышел из сарая один. За спиной снова закрылась дверь, и шум города вернулся к нему глухим, далёким дыханием.

Он шёл к западной калитке и думал не о золоте и не о повозке. Он думал о том, что в таких местах люди редко верят в удачу. Они верят в точность, в тихие договорённости и в то, что нужный пароль произнесут вовремя. Этого часто достаточно, чтобы пережить ещё одну ночь.

А дальше начинался день. Он сидел на циновке и слушал, как за стеной скрипят балки, как где-то у дальнего колодца лает собака, как ветер трёт песок о камень. Чем ближе рассвет, тем тише становилось внутри. Не потому, что он успокоился, а потому, что мыслей осталось меньше: только дело.

Кортеж двинулся к полудню. Солнце стояло высоко и беспощадно, белило дорогу, высушивало тени под копытами. Впереди ехали стражники, потом повозки с вещами, потом закрытая карета с резными боковинами. Алпарслан, конечно, был настороже, но от каждого охранника нельзя ждать чуда. Люди устают, смотрят вперёд, а не по сторонам, и верят, что привычная дорога сегодня не изменится.

Они ждали у сухого русла, где земля шла неровно, а редкие кусты могли скрыть любого, кто хотел остаться незамеченным. Всё случилось быстро, почти буднично. Сначала один из людей перевернул телегу поперёк дороги, потом другой бросил в сторону передних всадников камень, чтобы они дёрнули поводья и сбились. Началась суматоха, крики, топот, короткие команды, которые никто уже не слушал. Юсуф быстро свернул за деревья, заставив лошадей кареты повернуть в сторону. Всё, что было потом, смешалось в пыль, шум и вспышки движения. Стражники пытались выстроиться, кто-то кричал, кто-то звал Алпарслана. Карета

остановилась, дверца распахнулась, и Юсуф увидел принцессу Алмагуль - бледную, с широко раскрытыми глазами. На мгновение ему показалось, что она сейчас скажет что-то, что всё переменит, но ветер донёс только обрывки её голоса, и они тут же пропали в общем гуле. Алпарслан оказался там же, где и ожидал: Юсуф, ближе к карете, чем следовало, и ближе к смерти, чем он, вероятно, когда-либо позволял себе быть. Он сражался, молча, резко, почти без лишних движений. Когда всё кончилось, песок был изрыт следами, повозки стояли криво, как после внезапной бури, а воздух ещё долго дрожал от криков и лязга. Алмагуль отвели в сторону, подальше от дороги, и она, кажется, всё ещё не верила, что это происходит с ней по-настоящему. Он не смотрел на неё долго. От чужого страха устаёшь быстрее, чем от собственной вины.

Они ушли до заката. Юсуф, Алмагуль, Василий и ещё три разбойника, один был ранен. Этим троим нельзя было в город возвращаться и они решил идти с ними. Юсуф был взбешен, но помалкивал. Другого выхода не было. К тому времени жара спала, но легче не стало. Успех редко приносит радость сразу; чаще он ложится на плечи тяжёлым, неловким грузом, и только позже понимаешь, что с ним делать. Он шел, молча, не оглядываясь на дорогу, где всё ещё стояла пыль, и думал не о победе, а о том, сколько ещё в мире таких дорог, на которых каждый уверен, что идёт к своей цели, пока кто-то другой уже готовит засаду.

Юсуфу иногда казалось, что он живет не в этой заброшенной деревне, а внутри долгой паузы между двумя словами. Уже почти неделю они скрывались здесь, и даже дорога сюда стала похожа на сон: не вспомнить ни поворота у ручья, ни серого валуна с трещиной, ни того места, где узкая тропа вдруг терялась в камнях. Оставались только склоны, редкие козыи следы на влажной земле и несколько домов с провалившимися крышами, где по ночам стучали незакрепленные ставни.

Днем было тихо. Слишком тихо для людей, которые живут в страхе.. Мужчины по очереди выходили смотреть вниз, на дорогу. Ничего не происходило, и от этого становилось ещё тревожнее. Туман по вечерам спускался с перевала низко, как мокрая ткань, и закрывал соседний двор. Тогда все звуки делались ближе: кашель, шаги, скрип двери, отдаленный лай собаки где-то далеко в ущелье. Однажды вечером Василий и трое людей пришли шумно, с тяжелой походкой, с запахом спирта, с той развязностью, которая появляется у людей, если долго никто не напоминает им о границах. Юсуф понял всё сразу, ещё до того как те вошли в дом. Алмагуль сидела за столом, и смотрела не на гостей, а на пол, словно хотела провалиться сквозь доски.

- Ну что можно погреться? - Сказал Василий, ухмыляясь.

Никто не ответил. Тишина в доме сделалась напряженной, как натянутая веревка. Один из его людей шагнул к Алмагуль, сказал что-то грубое, пьяное, и девочка отшатнулась.

Дальше Юсуф помнил обрывками. Помнил, как в голове будто щелкнуло что-то сухое и темное. Помнил собственную руку, саблю у стены, короткий звук дыхания. Помнил, как мир сузился до тесной комнаты, до стола, до лица Алмагуль, побелевшего от ужаса. Потом всё смешалось: резкие движения, крик, тяжелое падение, стук опрокинутой лавки. Он действовал не как человек, а как натянутая пружина, которая, наконец, сорвалась. Когда всё кончилось, в доме стало так тихо, что слышно было, как в печи потрескивают угли.

Потом он вышел на улицу и долго стоял в темноте, не чувствуя холода. На ладонях была липкая сырость, и он все пытался понять, что же случилось с ним самим. Злость ушла так же внезапно, как пришла, оставив после себя пустоту. Ночью он почти не спал. Ему казалось, что стоит закрыть глаза, и он снова увидит эти лица, услышит тяжелые шаги, снова окажется в той комнате, где воздух стал слишком плотным.

А утром он проснулся в одной постели с Алмагуль. Она сидела рядом, не шевелясь, с белым лицом и пустыми глазами. Не плакала, не кричала, не отворачивалась. Просто смотрела в одну точку, будто внутри у нее что-то оборвалось и больше не собиралось соединиться.

Юсуф сел, медленно опустил ноги на пол и несколько секунд не мог вспомнить, где находится. Потом пришла память, грубая и тяжелая, и ему захотелось провалиться сквозь доски следом за вчерашним страхом. Он посмотрел на Алмагуль, и в этом взгляде было больше стыда, чем слов.- Я ничего... - начал он, но замолчал.

Она не ответила. Только чуть повернула голову, словно проверяя, есть ли у его голоса право оставаться в комнате.

Мир не заметил ни той ночи, ни чужой ярости, ни его собственной ошибки. Алмагуль замолчала. Иногда она подолгу стояла у окна и смотрела вниз на тропу, как будто ждала, что оттуда кто-то поднимется, но не задавала вопросов и не просила объяснений. Юсуф понял, что самое трудное для них теперь не страх и не память о Василии. Самое трудное - жить дальше рядом друг с другом, зная, что однажды человек может стать для спасения, а потом - для стыда. Они поднялись выше в горы где стоял одинокий домик и протекла горная река и водилась форель, он охотился в лесу на куропаток и ставил силки на зайцев. Иногда ему удавалось поймать в яму кабана или подстрелить. Иногда по ночам они слышали, как таяли лисы и были рядом волки. В эти минуты Алмагуль сидела, раскачиваясь и была похожа на лишившуюся ума.

Он не умел вернуть то утро, не умел отменить ночь. Они с Алмагуль почти не разговаривали. Она жила рядом с ним, как тень, как человек, который по ошибке задержался на чужом дворе и не знает, куда идти дальше. Иногда она выходила на крыльцо и долго смотрела в одну точку, будто там, в сером воздухе, было что-то важнее всего остального. В руках она всегда держала своего маленького оленя - деревянную фигурку с сточенными от времени рогами. Он знал, что никто не придёт, никто не знает где они. А он видел, что она меняется. Когда начались роды, он сначала не понял, что происходит. Она схватилась за край стола, потом медленно опустилась на скамью и закрыла глаза. Юсуф метался между печью и кроватью, сбивчиво вспоминая все, что слышал когда-то от старухи в деревне, когда был Савелием. Воды. Чистая ткань. Не давать ей вставать. Не оставлять одну. Он принес всё, что смог найти, и только тогда понял, насколько он беспомощен.

Алмагуль почти не стонала. Это пугало его сильнее всего. Она лежала с сухими губами, с открытыми, но будто невидящими глазами, и смотрела куда-то мимо него, мимо потолка, мимо всего, что было в комнате. Он говорил ей что-то бессвязное, просил потерпеть, обещал, что скоро всё закончится, хотя сам не верил ни одному слову - Юсуф... - Выдохнула она однажды, и он понял, что она зовет его уже не первый раз.

Он подошел ближе, взял её руку. Она была холодной, будто в ней не осталось крови.- Я здесь, - сказал он.- Я рядом.

Алмагуль повернула голову. В её взгляде не было ни просьбы, ни надежды. Только усталость, такая глубокая, что ему стало стыдно за собственный страх.

Потом случился самый страшный час в его жизни. Он молил Бога, как молятся те, кто уже не ждет чуда, а просто хватается за последнюю нить. В комнате пахло дымом, влажной шерстью и потом. За окном туман плотно прижался к стеклу. Ему казалось, что весь мир сузился до этой маленькой комнаты и до хрупкого дыхания Алмагуль, которое с каждым мгновением становилось тише.

Когда она, наконец, открыла глаза, в них уже было что-то далекое, почти отрешенное. Он наклонился к ней, не понимая, что она хочет сказать. Она с трудом приподняла руку и вцепилась в его ладонь. - Ты украл мою жизнь, Юсуф. - Прошептала она. Алмагуль смотрела на него глазами, полными боли, - но душу мою ты не пленишь, - сказала она почти беззвучно. - Пусть этот олень будет при нашей дочери. Он - её единственная защита от твоего проклятия. Если он потеряется - ты потеряешь всё.

Он не понял сразу, о каком проклятии она говорит. Может быть, она говорила не о нём, а о той жизни, что загнала их сюда, к этим пустым стенам и холодной воде. Может быть, она просто искала смысл в последнем, что ещё можно было передать ребенку. Но в тот миг ему

было не до смысла. Он слышал только её слабое дыхание и чувствовал, как пальцы в его руке становятся всё холоднее.

Потом она умерла. Не закричала. Не взглянула на ребенка. Просто ушла - тихо, как уходит свет из комнаты, когда за окном густеет вечер. Дочь появилась через несколько минут после этого. Юсуф помнил её первый слабый звук, помнил, как дрожали его руки, когда он брал её на ладони. Она была маленькая, мокрая, теплая и такая живая, что ему стало страшно смотреть на неё слишком долго. Он завернул её в чистую ткань и сел рядом, не зная, что делать дальше. На столе лежал деревянный олень. Алмагуль выпустила его из пальцев перед самой смертью, и теперь он казался особенно маленьким, почти беспомощным. Он долго держал его в руке, потом положил возле ребенка, как она просила. Утро пришло медленно. Туман поднялся от крыш, и впервые за много месяцев он увидел дальние склоны - серые, неподвижные, строгие. Деревня вокруг нас оставалась той же: пустые дома, просевшие заборы, холодный воздух, старые тропы. Но в комнате было уже не так пусто. Он смотрел на дочь и думал о том, как странно устроена жизнь: она может отнять всё до последнего, а потом оставить тебе крохотный голос, который требует тепла, молока и имени. Он ещё не знал, как жить с этим дальше. Не знал, сможет ли искупить хоть что-то из прошлого. Но он знал одно, пока у девочки есть этот маленький олень, пока он лежит рядом с ней, он не имеет права исчезнуть вслед за Алмагуль.

Турция, 1340 год

Юсуф спускался с горных троп, прижимая к груди сверток из грубой ткани. В нем тихо стонала девочка, не старше трех дней от роду. Его собственное дыхание было тяжелым и прерывистым - не от усталости, а от страха. Он оглянулся на покрытые туманом вершины, откуда пришел. Там её мать - украденная принцесса, дочь султана, с глазами цвета морской волны, лежала укрытая под камнями.

Теперь за ним шла погоня. Не столько люди, сколько слухи. Слух о том, что один из разбойников ушел, прихватив дитя - плод запретной связи между пленницей и их атаманом. Слух о том, что это дитя - кровь султана. Юсуф - или Савелий, как он назвался бы сейчас на родной земле, - стал скитальцем. Он заходил в каждую деревню на своем пути, в каждую одинокую хижину. Он не просил для себя. Стоя на пороге, с младенцем на руках, он говорил тихо и ясно: - У меня нет денег. Но моя дочь - внучка султана и разбойника. Покормите её, и она станет вашей кровью.

Люди смотрели на изможденного мужчину с пронзительными серыми глазами, не похожими на глаза местных жителей, на крошечное личико девочки, и сердце их сжималось. Они давали ему лепешку, миску простокваши, горсть орехов. Иногда пускали переночевать в сарай. Они не верили в сказку про султана, но верили в беспомощность ребенка. И в его словах была странная магия: взяв пищу для девочки, они как будто и вправду принимали её в круг своей семьи, становились причастными к ее судьбе.

Так девочка, которую он назвал Аминой - «надежной», «верной», - росла. Она впитывала не молоко матери, которого ей не досталось, а доброту. Доброту простых людей: старухи, поделившей последним куском хлеба; молодой пастушки, спеленавшей её в чистую ткань; молчаливого рыбака, подарившего отцу свою поношенную, но теплую одежду. Она училась улыбаться солнечным лучам, тянуться ручками к ветке цветущего миндаля, засыпать под монотонный напев пряжи. Она стала живым воплощением света, полной противоположностью темной, извилистой реке, что текла в душе Савелия-Юсуфа. В его памяти жили цепи невольничьих галер, куда он попал после одного из набегов, холод стали, крики умирающих, предательство и ярость. Амина была его искуплением. Единственным чистым делом в его оскверненной жизни.

Но шкурой, нутром, он чувствовал: погоня приближается. Слухи дошли до ушей тех, кому не положено было о них знать. Тень султанских шпионов легла на его путь. И Савелий понял - пора. Пора возвращаться туда, откуда его вырвала судьба. На Русь.

Путь был долг и труден. Через чужие степи, леса, реки, выдавая себя то за купца, то за паломника, с девочкой, которая росла не по дням, а по часам. Она уже не была свертком - она была его спутницей, с большими, как у матери, глазами, в которых отражалось все увиденное: и страх ночных переходов, и радость от первой съеденной самостоятельно вишни. Он стал называть её Анастасия

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.